

Какъ Лиса по старухѣ плакала.

ыла у старика со старухой курочка Пеструшечка, нашла она бобовое зернышко да и уронила его въ подполье. Принялся бобокъ расти: росъ-росъ,—до полу доросъ. Прорубилъ старикъ полъ; бобокъ растетъ да растетъ,—до потолка доросъ. Вынулъ старикъ изъ потолка доску, потомъ крышу разобралъ, бобокъ все растетъ да растетъ: росъ-росъ и до самаго неба доросъ.

Захотѣлось старику по бобу на небо влѣзть, посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—а старуха его не пускаетъ: «Ужъ коли лѣзть, такъ вмѣстѣ!»—«Да тебѣ, старуха, не добраться!»—«А ты посади меня въ мѣшокъ; мѣшокъ то возьми въ зубы, такъ меня съ собой и втащишь.» Послушался старикъ жены, завязалъ ее въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ по бобу. Лѣзетъ онъ, лѣзетъ, стало старухѣ скучно: «Старикъ, а старикъ! Скоро-ли долѣземъ?» Старикъ молчитъ, зубовъ не разжимаетъ. Лѣзъ-лѣзъ, ужъ половину дороги пролѣзъ,—опять старуха соскучилась: «Да скоро-ли,—спрашиваетъ,—конецъ-то?» Все старикъ молчитъ, зубовъ не разжимаетъ. Лѣзъ-лѣзъ,—совсѣмъ, было, доверху долѣзъ, опять его старуха спрашиваетъ: «Говори, старый хрычъ, скоро-ли долѣземъ?» Хотѣлъ старикъ сказать: «Сейчасъ!»—разжалъ зубы да и упустилъ мѣшокъ со старухой. Упала старуха на землю и до смерти убилась.

Жалко старику жены «Надо,—думаетъ,—похоронить ее какъ слѣдуетъ.»

А жили они одни одинешеньки, некому и поплакать-то по старухѣ. Взялъ старикъ мѣшокъ съ парой бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи, кто-бы надъ его старухой пожалобнѣе поплакалъ.

Видить: идетъ Медвѣдь. «Куда собрался, старикъ?»—«Плачеи искать, старуха померла. Поплачь по ней; я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Медвѣдь заревѣлъ: «Ахъ ты моя родимая бабушка! Какъ мнѣ тебя жалко!»—«Нѣтъ,—говорить старикъ,— не умѣешь ты плакать: голосъ не хорошъ.» И пошелъ дальше.

Видить: идетъ Волкъ. «Куда собрался, старикъ?»—«Плачеи искать, старуха померла. Поплачь по ней; я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Волкъ завылъ: «У! у! Туру, туру, бабушка! Убилъ тебя дѣдушка!»—«Нѣтъ,—говорить старикъ,— ты еще хуже Медвѣдя плачешь.» И пошелъ дальше.

Глядь,—Лиса навстрѣчу бѣжитъ. «Куда ты, дѣдушка?»—«Ахъ, Лисынька! Горе-то у меня какое: вѣдь старуха у меня померла. Поплачь по ней: я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Съѣла Лиса передъ старикомъ и стала причитать «У дѣдушки, у старого, была бабушка разумница: по утру рано вставала, ши, кашу варила, дѣдушку кормила!» А сама Лиса-то будто плачетъ, лапками глаза утираетъ.

Понравилось старику, какъ Лиса причитаешь: «Коли ужъ ты такая мастерица причитать, такъ другой плачеи мнѣ и не нужно.» Привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ, а самъ вышелъ куда-то. Пока старикъ уходилъ Лисичка старуху съѣла, косточки собрала, въ уголокъ сложила и тряпочкой накрыла. Какъ услышала Лиса, что старикъ вернулся,—кричитъ ему: «Дѣдушка! Отвори-ка двери пошире, темно здѣсь!» Старикъ отворилъ, а Лисичка изъ избы шмыгъ—и слѣдъ простылъ. Вошелъ старикъ, поглядѣлъ: только старухины косточки въ уголкѣ лежатъ, тряпочкой прикрыты.

Поплакалъ старикъ, и сталъ одинъ свой вѣкъ доживать.

